

Последний день

НЕ ДОХОДЯ ДО ПРИСУТСТВИЯ, они разделились. Федул подался в сторону, приотстал, и Марьин сразу потерял его из виду. Но спиной чувствовал: он где-то неподалеку.

Присутствие подавляло. Нет, не размерами: по этой части оно даже уступало мэрии, которая простояла тут лет сорок, а потом ее играючи, за сутки, снесли пришельцы. Угнетающе действовала на психику форма инопланетной постройки. Здание напоминало варварски обтесанную серую глыбу – многочисленные грани переходили одна в другую без какой-либо системы, под безумными углами. Уродливая крыша топорщилась вздыбленными плоскостями. Но особенно раздражали ряды черных зеркальных окон. Казалось, за каждым стоит кошмарное чудовище и, невидимое снаружи, разглядывает спящих по улице рабов.

Ограда была рифленой и словно сделанной из тонированного стекла, отчего казалась хрупкой. Но проломить этот несерьезный с виду заборчик не смог бы и танк.

Рядом с будкой, где постоянно дежурила охрана, возвышались две панели, похожие на обращенные друг к другу огромные ладони. Марьин встал между ними. Раздалось еле слышное жужжание – пропускная система сняла индивидуальные характеристики его мозга, сверила с базой данных и разрешила вход.

До этого момента все шло заведенным порядком. Установленным не людьми, но четким, ясным, гарантирующим безопасность и кусок хлеба. Сейчас двое отчаянных собирались этот порядок взорвать. При мысли о том, что их ждет в случае провала, на дне сознания зашевелился страх. И тогда, подавляя его, Марьин прокрутил в голове события уходящего дня.

УТРО НАЧАЛОСЬ ОБЫДЕННО. Позавтракав, Марьин достал из шкафа форму, брезгливо повертел в руках и лишь затем стал надевать. «Шака-

ля шкура, – подумал он, застегивая ремень. – Как меня еще не грохнули какие-нибудь неуловимые мстители? Хотя... В свое время не успели, а теперь уже некому».

До приезда машины оставалось минут семь. Он стоял и смотрел на жену, пытаясь отделаться от мысли, что может ее никогда больше не увидеть. А жена не отрывала взгляд от телевизора. На экране красавчик ведущий рассказывал о том, какие знукиане добрые, богатые, щедрые и отзывчивые.

*Как меня еще не грохнули
какие-нибудь
неуловимые мстители?*

«Вот погань, – подумал Марьин. – Надо же так убежденно врать – будто сам в это верит. А ведь не зомбированный, как она, как почти все тут...»

Жене промыли мозги давно, и помешать этому было невозможно. Все равно что переть против танка, держа в руке бутылку, но не с зажигательной смесью, а пустую. Самого Марьина тоже могли лишиться свободы воли и сделать марионеткой. Но он тщательно все рассчитал и выбрал другой путь. Путь шакала. Но это по-простонародному. А официально – Добровольного Помощника, или, сокращенно, дэпэшника. Дело в том, что по странному закону природы шакалить с промытыми мозгами оказалось нельзя. Тупо принимать власть пришельцев – да, полноценно прислуживать им – нет. Для эффективного холуйства требовалась та самая свобода воли...

Ведущий выдал еще пару напыщенных фраз, и на экране появились знукиане. Всего по плечо среднему человеку, щуплые, с желтоватым пухом на удлинённых головах, одетые в неизменные

Людей на Земле было
намного больше,
чем требовалось
для бесперебойного
выращивания грибов

лиловые туники, они казались ходячими недоразумениями. Но эти недоразумения разгромили армии ведущих земных держав и сейчас планомерно добивали их остатки. Правда, не напрямую, а руками своих наемников гарфов. Тоже гуманоидов, но огромных и массивных, ростом за два метра, а весом центнера в полтора.

Теперь о том, какие они славные ребята, рассказывали сами знукиане. По-русски, но сухо и монотонно – так и не научились окрашивать чуждую речь эмоциями. Марьин эту манеру не переносил. Зато жена слушала заворуженно – ее искалеченный мозг не улавливал фальши.

Марьин скривился, как от зубной боли, и посмотрел в окно. Длинная, похожая на крокодила знукианская машина подкатывала к подъезду. Вернее, подплывала, паря над землей, – колес у нее не было.

«Крокодил» плавно опустился на асфальт. Марьин поцеловал жену, немного постоял рядом, вбирая в память каждую черточку, и с тяжелым сердцем вышел на улицу. Жена даже не обернулась.

В машине его уже дожидались четверо дэпэшников. Кириллыч, старый знакомый Марьиной, как всегда, расселся вальяжно и бодро топорщил колючие усы. Остальные трое, совсем молодые, держались скованно, словно им жала форма.

Минут через двадцать управляемый автоматикой «крокодил» пересек городскую черту и последовательно высадил сначала неулыбчивую молодежь, а затем – Марьиной с Кириллычем. До самих плантаций им предстояло добраться своим ходом.

Кириллыч был болтуном, каких поискать. Вот и сейчас, заполучив собеседника, он с ходу атаковал его:

– С тобой, извини, со скуки сдохнуть можно. Молчит и молчит, только и слышно, как мысли в башке ворочаются. О чем хоть думаешь-то?

– Да так, – неопределенно ответил Марьин. – О разном.

– Тогда наводящий вопрос. Как тебе наша работенка? Только честно. Не бойся, не сдам, мне просто тебя понять хочется. Ну, чего опять молчишь? Сказать нечего?

– Я лучше послушаю... – Марьин не удержался и добавил: – ...Умного человека.

– И то дело! – расплылся в улыбке Кириллыч. – Так вот, работа у нас нужная и правильная. Плантации – это так, второстепенное. Главное – помочь роду человеческому сойти со сцены. Потому что мир сошел с ума, и лечить его бесполезно. Можно только переселить больного в могилку, да побыстрее, чтоб не мучился. Жили бы душа в душу, по совести, не собачились, так уже к звездам бы летали и других уму-разуму учили. А вместо этого одна возня и грызня, каждый свою правоту доказывает. Теперь на знукиан посмотри. Думаешь, они нас своим оружием нагнули? Да хрен

там! Сплоченностью взяли. Мы себе идейки всякие придумываем, ругаемся из-за них, деремся, глотки друг другу режем. А у этих все задачи давно поставлены, только бери и выполняй. Хоть те же грибы возьми. Глобально к делу подошли, аж дух захватывает! Завтра захотят всю Галактику к рукам прибрать – и получится, будь уверен. А у нас, как в анекдоте: «Доктор сказал: “В морг” – значит, в морг». Ничего другого не заслужили.

«Тебя бы первого в могилку-то и переселить, – мрачно подумал Марьин. – И осиновый кол сверху не помешает». Но вслух сказал:

– Красиво излагаешь, заслушаться можно. Вот только... Ну ладно, всех в морг, а сам куда денешься? О себе подумал?

– А то! – Кириллыч самодовольно потрогал усы. – О себе – в первую очередь. Я для хозяев человек полезный и жить собираюсь долго, на всю катушку. А что здесь будет после меня, останется ли кто-нибудь из нашего брата – с того света все равно не увидишь. Верно, молчун? Еще вопросы есть?

– Нет, – ответил Марьин, и тут они подошли к плантации «Северо-Восток 1».

Кириллыч сразу преобразился. Напустил на лицо важности, сдвинул брови и, выпятив грудь, вразвалочку двинулся к рабочим. Ну конечно, нужно всем показать, какой ты крутой начальник. А то вдруг разболтаются...

Марьин прошел дальше: он был надзирателем другой плантации – «Северо-Восток 2». Минут через пять показалась и она.

Инопланетные грибы походили на огромные, в полтора человеческих роста, конусовидные сморчки. Они были иссиня-черные, а в глубине изрытых шляпки ячеек мерцали зеленые пятнышки. Сейчас они особо не впечатляли, зато ночью горели ярче светляков.

На этих грибах знукиане построили мощную индустрию. Они производили из них деликатесы, делали изысканные напитки, путем глубокой переработки получали уникальную губчатую органику, которая применялась в самых разных областях. Вот только на скудной почве Знука грибы росли невыносимо медленно и даже в конечной стадии развития выглядели хилыми уродцами. Чтобы снимать приличный урожай, надо было вбухивать

в плантации совершенно немыслимые суммы. И тут подвернулась Земля – сказочно плодородная, к тому же с неисчерпаемой, даже избыточной рабсилой. От слова «раб»...

Марьин должен был следить за тем, кто как справляется с заданием, оценивать трудолюбие в баллах, отстающих заносить в черный список. А самых безнадежных гнать в шею и находить им замену в обширной базе данных.

Рабочие вкалывали по-черному. Грибы были капризны, и даже чудодейственную земную почву требовалось постоянно рыхлить, по сложной схеме подавать питательные вещества, выводить продукты распада, регулировать уровень подземных вод. А еще – травить прожорливых вредителей, по неосторожности завезенных со Знука.

Марьин вглядывался в лица своих подопечных, пытаясь уловить хотя бы смутные признаки недовольства. Ни малейших! Но едва он отворачивался, ему начинало казаться, что спину жгут ненавидящие взгляды и в воздухе разливается чуть слышное: «Мразь... Иуда...» Резко оборачиваясь, Марьин видел все те же безучастные лица. А затем попытка повторялась. «Гад... – шелестело сзади. – Шакал... Все равно сдохнешь...»

Много раз Марьину хотелось собрать вокруг себя эти послушные человеческие оболочки и попытаться донести до них жуткую правду. Правда состояла в том, что людей на Земле было намного больше, чем требовалось для бесперебойного выращивания грибов в любых объемах. Как ни считай, полумиллиарда хватало за глаза. Да и то на первых порах – потом, с ростом автоматизации, число рабочих можно сократить на порядок. Остальных, не занятых в грибоводстве, знукиане собирались постепенно стерилизовать. Поистине гуманное решение: вроде и не убиваешь никого, и избавляешься от забот о лишней мыслящей биомассе...

Пришельцы настолько презирали человечество, что даже не скрывали эти планы от своих живых орудий – дэпэшников. При поступлении на службу каждого из них ради удобства учили говорить познукиански – просто-напросто вкладывали в голову готовые знания. И Марьин использовал их по максимуму.

Выбрав для себя позорную шакалью шкуру, он тут же начал искать у хозяев уязвимое место. И спустя какое-то время, собрав воедино обрывки подслушанных разговоров, открыл поразительную вещь. Если гарфы были беспринципными наемниками-одиночками, то знукиане входили в Конфедерацию с центром на планете Ярсат и формально подчинялись ее правилам. А они строго-настрого запрещали геноцид любых разумных рас! Конечно, законы на то и существуют, чтобы их обходить, и это любителям грибов-переростков до сих пор удавалось. Но любое болото можно попытаться взбаламутить...

Замысел вызревал постепенно. Как и все дэпэшники, Марьин был вхож в Присутствие – местную штаб-квартиру пришельцев. Где-то в лабиринте ее помещений скрывался гиперпередатчик – портал мгновенной переброски в любые миры Конфедерации. Оставалось придумать, как до него добраться. И Марьин разработал план.

По окончании рабочего дня он должен был зайти в Присутствие, чтобы лично получить новые инструкции. Но точное время знукиане не назначили, и это позволило Марьину запланировать еще одну встречу.

Федул уже топтался возле почтамта, держа руки в карманах и хмуро разглядывая прохожих. С недельной щетиной, в замызганных камуфляжных штанах и мешковатой, не по размеру, спецовке он смахивал то ли на грузчика из самой задрипанной конторы, то ли на бомжа.

Фамилия его была Федулов – это знали все. А вот имени никто не помнил. Федул и Федул – чего еще заморачиваться? Он не обижался.

Этот невзрачный мужичок считался одной из местных достопримечательностей, и судачили о нем изрядно. Говорили, что много лет служил по контракту в горячих точках, а вернувшись домой, лишился и заработанных денег, и квартиры. История была темная. Похоже, связался с аферистами, хотел с их помощью подняться, пошел вабанк – и потерял все.

Он быстро опустился – попал в компанию бомжей со стажем, ютился где придется, пил всякую мерзость и однажды чуть не отдал концы. Потом Федула заметил его старый знакомый, став-

ший удачливым бизнесменом, пожалел и устроил охранником в свой загородный коттедж.

Но спустя какое-то время на бизнесмена наехали – то ли братва, то ли органы. Он поразмыслил – и дал деру за границу. Его недвижимость принялись делить, но увязли в спорах – слишком много сошлось интересов. А пока претенденты выясняли отношения, Федул, по слухам, так и жил в маленьком помещеньице для охраны. На какие шиши – непонятно, но промывки мозгов он пока

*Поковыряться в мозгах
и превратить в такой же
шагающий трюк*

избежал и время от времени выбирался в город. Известность ему принесли фраза «я тишину люблю» и уникальная способность появляться там, где возникала заварушка.

В этом Марьин имел случай убедиться. Однажды на его глазах трое парней, что-то не поделив с четвертым, сбили его с ног и принялись пинать. Марьин еще взвешивал свои шансы в возможной драке, а Федул уже вывернулся из подворотни и негромко, словно извиняясь, сказал:

– Ребята, я тишину люблю.

После чего без видимого напряжения отшвырнул одного парня налево, другого – направо, а третьему заломил руку за спину, да так, что тот завопил благим матом и согнулся пополам.

Эта сцена не просто впечатлила Марьина: вдруг подумалось, что экстравагантный любитель тишины может стать настоящим союзником. Не болтуном, не мечтателем, а тем, кто возьмет и сделает.

Вскоре он завязал с Федулом первый разговор – осторожный, на отвлеченную тему, почти ничего не значащий. Ошибиться было нельзя – в мире под властью инопланетян такая промашка стоила головы.

В конце концов, прощупав друг друга насколько возможно, они убедились, что мыслят одинаково. И условились о встрече, решавшей все.

– Привет, – сказал Марьин.

– Здорово. – Федул протянул ему правую руку, а левую так и не вынул из кармана. Прижатая к боку, она словно придерживала что-то за пазухой.

– Ты твердо решил? – испытующе глядя на него, спросил Марьин.

– Тверже не бывает.

– Не страшно?

Федул покачал головой.

– Страшно стать таким, как вот эти... – Он кивнул на тротуар, по которому жиденькой струйкой текли прохожие. – Я живу на отшибе, до меня еще не добрались, но все равно когда-нибудь придут. Поковыряются в мозгах и превратят в такой же шагающий труп. А мне не в кайф ходить и смердеть. Если уж тебя завалили, то лежи и не рыпайся. Так честнее.

– Хорошо. Тогда пошли.

И они пошли.

КУСОК ГОФРИРОВАННОЙ ОГРАДЫ бесшумно сдвинулся вправо. Марьин шагнул в открывшийся проем, но тут же остановился и, будто вспомнив о чем-то важном, начал шарить по карманам.

– Черт, – бормотал он, морща лоб, – где же оно... вот гадство...

Марьин еще притворно ругал себя за забывчивость, а из-за его спины уже прошмыгнула невеста как очутившийся рядом Федул. Сильно, аж пуговицы посыпались, рванул на груди спецовку, и в руках у него появился короткий, словно обрубленный сзади, «калаш».

Из будки вывалились два охранника и тут же открыли огонь. Но там, куда они целились, Федула уже не было. Он бросился наземь, перекатился на пару метров в сторону и, не вставая, одной очередью срезал обоих гарфов.

Они еще грузно опускались, роняя оружие, а Федул уже вскочил, подхватил ближайший лучевик и бросил Марьину:

– На!

Затем развернулся к Присутствию, из дверей которого появились еще четыре массивные фигуры, и автомат в его руках застучал вновь.

Гарфы попадали, словно напорвшись на низко натянутую проволоку. Больше в дверях никто не появился – видимо, охранники кончились.

То, что бомжеватый мужичонка положил, как в тире, страшных пришельцев, могло показаться или сказочным везением, или ловким фокусом. Но Марьин знал, что никакого фокуса нет. Настоящую боевую технику с силовыми полями и прочими наворотами бросали туда, где сохранялись очаги сопротивления. А в таких апатичных, давно покоренных городах держали только стражей порядка, да и то по минимуму. Конечно, все могло обернуться гораздо хуже, но сейчас гарфам хватило одного землянина-профессионала...

Выкинув опустевший рожок, Федул отработанным движением вставил новый.

– Дуй в их логово, а я тут прикрою, если снаряды полезут.

– Да возьми ты гарфовскую пушку! – бросил на бегу Марьин.

– Ха! – оскалился Федул и любовно хлопнул по рукоятке автомата. – Мой АКМС всех пушек стоит!

«Глупо», – подумал Марьин, но переубеждать не стал.

Пришельцы были так уверены в надежности периметра, что даже не подумали снабдить охранными системами сам вход в Присутствие. Зачем, если внутри все свои? Это их сильно подвело. Марьин перепрыгнул через труп гарфа, из-под которого расползалась лужа малиновой крови, и ворвался в здание.

– Лежать! – заорал он по-знукиански и очертил широкую дугу стволом лучевика.

Пять или шесть тщедушных фигур в лиловых туниках замерли, словно примерзнув к полу, две попятнулись, еще две начали медленно приседать. За их спинами вспыхнул зеленоватый овал опустившегося лифта, и из него в фойе шагнул... Кириллыч. Увидев направленный ему в живот лучевик, он сразу все понял. И поступил так, будто мысленно отработывал эту сцену месяцами.

Плюхнувшись на колени, Кириллыч завизжал немислимым фальцетом, от которого у Марьина засвербило в ушах:

– Не стреляй! Я не сам... выхода не было... у меня жена, дети... их кормить надо... – Он в ужасе вертел головой, будто надеясь, что кто-то из знукиан придет на помощь. Но тем было точно не до него.

У Бруллоха затряслись губы.

– Н-нет... – выдавил он со странным звуком, похожим на всхлип, и показал рукой направо: – Нам туда...

Подобно другой знукианской технике, гиперпередатчик был уродлив. Он выглядел как помятый пятнистый цилиндр, облепленный разномастными вспомогательными устройствами. Некоторые из них мигали разноцветными огоньками.

Марьин следил за небольшой панелью, расчерченной на серые квадратики. Ровно двадцать – по четыре в пяти рядах. Больше половины уже горели ровным желтым светом, время от времени вспыхивал еще один.

«Аппарат будет готов к работе, когда зажгутся все», – объяснил Бруллох. Оставалось дожить до этого момента – к Присутствию, конечно, уже мчался целый отряд гарфов. А может, и не один.

Словно напоминая Марьину, в каком он цейтноте, за окном раздалась автоматная очередь. Тут же засветился следующий квадратик, но с панели слепо тарацились еще четыре серых. Целый ряд...

Автомат застучал опять – и вдруг захлебнулся. «Федула больше нет, – понял Марьин. – Любителя тишины приняла вечная тишина».

На душе стало пусто и мерзко. Несколько секунд он просидел в полной прострации, затем повернулся к Бруллоху:

– Какая на Ярсате атмосфера? Дышать смогу?

– Да.

– Там понимают по-знукиански?

– Это не проблема. Переводчики входят в комплект всех личных устройств.

«Отлично, – подумал Марьин. – Потребую встречи с самым главным по делам отсталых планет. Так и так, истребляют нас. В попрание всех законов. Не допустят к главному – есть чиновники помельче. Кого-то знукиане наверняка подмазали, но не всех же! Только бы до них добраться...»

Пол завибрировал от топота множества ног. Затем в стене появилась светящаяся точка. Она быстро росла, наливаясь жаром.

Этого следовало ожидать. Гиперпередатчиком знукиане дорожили, а потому снабдили зал, где он был смонтирован, мощной метал-

лической дверью. Бруллох по приказу Марьина намертво заблокировал ее изнутри, так что штурмующим было проще и быстрее вспороть лучами стену.

Марьин перевел взгляд на панель и, увидев, что последний квадратик окрасился желтым, выдохнул: «Есть!» Но передатчик почему-то не раскрылся. Вместо этого раздался противный квакающий звук, а в верхней части цилиндра, под самым обрезом, вспыхнули непонятные багровые знаки.

– Что за хрень? – пробормотал Марьин по-русски, но Бруллох его понял.

– Неполадка. Так бывает. На устранение требуется...

– К черту! – взревел Марьин, но тут же, опомнившись, перешел на знукианский: – Что можно сделать прямо сейчас?

– Аппарат не готов к передаче материальных объектов, – пролепетал Бруллох. – Он способен отправить только мыслеграмму или голосовое сообщение.

– Как? Показывай!

– Вот. – Бруллох робко протянул руку к небольшому грушевидному устройству. – Все готово. Можете говорить, можете думать...

Марьин приблизил к прибору лицо и, стараясь умерить бешеные удары сердца, медленно и четко заговорил по-знукиански:

– Я – житель планеты Земля. Мы подверглись агрессии со Знука. Нас поработили и собираются уничтожить. Требуем помощи!

Стену резали уже в нескольких местах. Скоро ползущие друг к другу огненные змеи соединятся, и гарфы ворвутся в зал.

Какое-то время из прибора доносились только треск и шипение. Затем сквозь помехи пробился еле слышный голос:

– Вас понял. Координаты установлены. Будет организована проверка. Ждите.

Выбитый одним мощным ударом кусок стены рухнул на пол. Марьин увидел блеснувший в проеме ствол и успел выстрелить первым. Хотя большого смысла это уже не имело.

Сейчас главный день в его жизни закончится. А вместе с ним – и сама жизнь. Но теперь умирать было не страшно. ■